

АНАЛИЗ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

DOI: 10.14515/monitoring.2017.1.06

Правильная ссылка на статью:

Соколов Н. В. Работящие, но чужие: парадокс восприятия мигрантов массовым сознанием (по результатам исследований в Санкт-Петербурге) // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 1. С. 80—96.

For citation:

Sokolov N. V. Hard-working but outsiders: paradox of perception of migrants in mass consciousness (the case of St. Petersburg). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2017. № 1. P. 80—96.

Н. В. Соколов

РАБОТЯЩИЕ, НО ЧУЖИЕ: ПАРАДОКС ВОСПРИЯТИЯ МИГРАНТОВ МАССОВЫМ СОЗНАНИЕМ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИССЛЕДОВАНИЙ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ)

РАБОТЯЩИЕ, НО ЧУЖИЕ: ПАРАДОКС
ВОСПРИЯТИЯ МИГРАНТОВ МАССОВЫМ
СОЗНАНИЕМ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИС-
СЛЕДОВАНИЙ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ)

HARD-WORKING BUT OUTSIDERS: PAR-
ADOX OF PERCEPTION OF MIGRANTS IN
MASS CONSCIOUSNESS (THE CASE OF
ST. PETERSBURG)

СОКОЛОВ Николай Викторович — кандидат социологических наук, доцент кафедры прикладной и отраслевой социологии Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.

E-MAIL: nvsspb@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-9864-372X

Nikolay V. SOKOLOV¹ — Cand. Sci (Sociol.), Assoc. Prof.

E-MAIL: nvsspb@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-9864-372X

Аннотация. Статья сфокусирована на рефлексии петербуржцев по поводу современного этапа миграционных процессов, в ней рассматривается дуализм образа, маркирующего контингент мигрантов. С одной стороны, он собирательно отражает реальность, с другой — представляет собой конструкт, стандартизирующий базовые представления о приезжих. Эмпирическую базу работы составили два

Abstract. The article is focused on the reflections of the residents of St. Petersburg concerning today's migration processes. The paper considers the duality of the image of the migrant community. On the one hand, the image reflects the reality in a generalized way; on the other hand, it represents a construct that standardizes basic perceptions of newcomers. The empirical basis of the study is two surveys conducted among

¹ Department of Applied Sociology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

опроса населения Санкт-Петербурга, выполненные в 2010 и 2016 гг., в ходе которых собраны данные о распространённости публичных и частных контактов горожан с мигрантами, а также об отношении к мигрантам, которых петербуржцы наблюдали и с которыми контактировали в разных ситуациях. Установлено, что уже в 2010 г. жители Санкт-Петербурга были включены в публичные контакты с приезжими, но они характеризовались слабой интерактивностью. Приватные контакты резидентов принимающего сообщества и мигрантов распространены слабее, но главное — они нарастают очень медленно. Включенный в интенсивную интеракцию с приезжими сегмент составляет около 10 % населения, и его размер не изменился за шесть лет, прошедших между опросами. Горожане одинаково позитивно оценивают работу мигрантов, которых наблюдают в публичных и частных ситуациях, за период с 2010 по 2016 г. общественная оценка деятельности приезжих выросла. Парадокс восприятия мигрантов массовым сознанием заключается в том, что позитивная оценка их труда и коммуникативного поведения не ведет ни к нарастанию интеракции приезжих с принимающим сообществом, ни к ослаблению в последнем негативных установок по отношению к миграции как таковой.

Ключевые слова: социология миграции, трудовой мигрант, объект общественного мнения, миграционная экономика, маргинальность, социальная эксклюзия

Благодарность. Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда (проект № 16-18-10092)

the residents of St Petersburg in 2010 and 2016; the surveys contain data about public and private contacts between city inhabitants and migrants as well as attitudes towards migrants whom they encountered in their everyday life in different situations. The study shows that as early as 2010 almost all the inhabitants of St Petersburg were involved in public contacts with the newcomers but these contacts were weak. Private contacts of the residents and migrants are less common, and increase slowly. About 10 % of the population were engaged in the intensive interaction with migrants, and this has not changed over the six years between the surveys. Inhabitants assess the migrant work both in public and private situations positively; from 2010 to 2016 the public assessment of the migrant activities has considerably improved. The paradox of the perception of migrant in mass consciousness is that the positive assessment of their labor activity and communicative behavior neither facilitates further interactions between migrants and residents nor weakens the receiving society's negative perceptions of migration.

Keywords: sociology of migration, labor migrant, public opinion subject, St Petersburg survey, migration economy, marginality, social exclusion

Acknowledgment. The article is supported by the Russian Science Foundation (project no. 16-18-10092). The

в Санкт-Петербургском государственном университете. В рамках исследования первый опрос проведен за счет средств Российского фонда фундаментальных исследований (проект 09-06-0075а). Полевые работы выполнены Центром мониторинга социальных процессов факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета. Второй — за счет средств Российского научного фонда (проект № 16-18-10092). Полевые работы выполнены на базе Ресурсного центра социологических и Интернет-исследований Санкт-Петербургского государственного университета.

first survey was financed by the Russian Foundation for Basic Research (project reference 09-06-0075a). The fieldwork is carried out by the Center for Monitoring of Social Processes of the Faculty of Sociology, St Petersburg State University. The second survey was financed by the Russian Science Foundation (under award no. 16-18-10092). The fieldwork was assisted by the Resource Center for Sociological and Internet Studies of the St Petersburg State University.

Введение

Общественное мнение является результатом заинтересованной оценочной деятельности сообщества в отношении определенного объекта, непосредственно затрагивающего повседневную жизнь сообщества и порождающего общественную дискуссию [Гавра, 1995]. Зарождение мнения происходит, когда в массовое сознание проникает новый для него объект, формирование и полноценное функционирование общественного мнения невозможно без его массового распространения [Гавра, 1995: 72]. Имеется в виду гносеологическое толкование объекта общественной оценки, т. е. некоторый образ, с одной стороны, отражающий определенный реальный феномен, а с другой — стандартизирующий базовые представления о нем. Без такой стандартизации невозможны ни общественная дискуссия, ни массовое включение в процесс оценивания. Фактически сообщество «договаривается» об использовании определенного конструкта для маркирования реальных событий, явлений, объектов, в отношении которых возникает потребность оценивания [Гавра, 1998].

Определение объекта (образа, конструкта), который обсуждается и оценивается членами сообщества, а также особенностей его восприятия участниками массовой дискуссии является ключевой задачей при подготовке достоверного исследования общественного мнения, особенно — в отношении принципиально новых объектов, с которыми ни сообщество, ни исследователи ранее не сталкивались.

Современные миграционные процессы в значительной степени относятся как раз к таким инновационным феноменам, в отношении которых общественная рефлексия вынужденно начинается с поиска подходов к определению объекта. Хотя такие крупные города как Санкт-Петербург практически на протяжении всей своей истории притягивают значительные потоки перемещающегося населения [Пежемский, 2014], современный этап миграции начался не ранее 15 лет назад и характеризуется масштабным сломом сложившихся

ранее представлений о «правилах» взаимодействия приезжих и принимающего сообщества¹.

Исследовательские наблюдения позволяют констатировать, что массовый интерес к миграционной проблематике, служащий предпосылкой к формированию общественного мнения по данной теме, стал проявляться в петербургском сообществе примерно на рубеже нулевых и десятых годов XXI в. При этом массовое сознание испытывало значительные трудности в определении объекта оценивания, т. к. распространенные ранее подходы, основанные на этнической и конфессиональной идентификации «других» применительно именно к миграционным процессам оказались неэффективными [Соколов, 2006]. Первая половина десятых годов была периодом поиска критериев определения нового для массового сознания объекта «мигрант» и попыток стандартизации образа, маркирующего оцениваемые моменты миграционного процесса.

Целью приведенного в статье анализа является определение особенностей восприятия мигрантов как объекта оценивания массовым сознанием и тенденций стандартизации образа мигранта как предпосылки формирования общественного мнения. Используются результаты двух телефонных опросов, выполненных в Санкт-Петербурге с интервалом почти в шесть лет — как раз в указанный выше период стандартизации искомого образа.

Методы исследования

Первый опрос проведен в 2010 г. Метод телефонного опроса был выбран как оптимальный для сканирования массового сознания жителей мегаполиса с учетом доступных авторам исследования ресурсов. Исследователи отдавали себе отчет в том, что ограничения выбранного метода не позволят использовать сложно структурированную модель объекта измерения и требуется сконцентрировать внимание на ключевых параметрах восприятия миграции как относительно нового для российского общества массового явления. Поэтому был разработан и применен короткий (девять вопросов плюс минимальный социально-демографический блок) вопросник.

Второй опрос проведен в 2016 г. Инструментарий исследования не являлся точной копией вопросника шестилетней давности. Некоторые из использованных в 2010 г. индикаторов утратили актуальность в связи со значительным изменением миграционной ситуации в Петербурге. Кроме того, объем интервью в 2016 г. был значительно больше (47 вопросов, включая «паспортичку»), что позволило детализировать измерение параметров, отражающих общественную рефлексию по поводу миграции и сопутствующих общественных проблем. Однако исследователи целенаправленно включили в инструментарий 2016 г. ряд вопросов, формулировки которых точно повторяют использованные в предыдущем проекте с целью сравнения состояния общественного сознания в указанные моменты времени.

Генеральная совокупность в обоих случаях — взрослое (18 лет и старше) население Санкт-Петербурга, как оно представлено в базе стационарных городских телефонов. Выборка районированная квотная. Случайный с контролем долей

¹ Сальникова О. Назад, в бандитские 90-е. Эксперт — о влиянии мигрантов на жизнь Петербурга // Еженедельник «Аргументы и Факты». № 18.01/05/2013.

районов отбор номеров из базы производился автоматически системой САТІ. При отборе респондента в ответившем номере интервьюеры следовали квотному заданию. Контролируемые параметры — пол, возраст, образование. Выполнение квотного задания контролировалось автоматически. Фактический размер выборки 2010 г. составляет $N_{2010} = 1008$, а 2016 г. $N_{2016} = 1017$ респондентов.

Формальные параметры методики, процедуры и выборки позволили выполнить сравнение результатов опросов в части набора индикаторов, использованных в обоих случаях, а также сопоставить результаты измерения близких по содержанию индикаторов.

Отдельно следует остановиться на вербализации объекта оценивания при проектировании вопросников, т. к. в ситуации телефонного интервью требуется обеспечить унификацию понимания инструментария респондентами в условиях жестких коммуникативных ограничений. В 2010 г. исследование фокусировалось на выявление отношения к трудовым мигрантам, при этом термин «мигрант» на тот момент ещё не был распространён. Поэтому при конструировании вопросника была использована вводная формулировка: «люди, которые приехали в Петербург на заработки из Средней Азии, Китая и других стран». Далее в вопроснике объект оценивания упоминался как «приезжие» или с уточнением «такие приезжие». Формально данной конструкции соответствуют все иностранные трудовые мигранты. Дискуссия на этапе проектирования инструментария выявила возможность появления систематических ошибок, связанных с отнесением респондентами к оцениваемой категории внутренних мигрантов, приехавших из различных регионов России, особенно, носителей не европейской этничности, однако данная систематическая ошибка была признана допустимой.

К 2016 г. термины «миграция» и «мигрант» получили широкое распространение в масс-медиа и вошли в повседневную речь, что позволило при проектировании нового вопросника использовать их непосредственно. В водной части интервью респонденту сообщалось: «опрос посвящен миграции и мигрантам, приехавшим в Санкт-Петербург». Однако к этому моменту уже стало понятно, что как сама массовая миграция не сводится к пересечению государственных или административных границ, так и ее восприятие горожанами отражает серьезный социокультурный диссонанс в системе «отправляющее сообщество — мигрант — принимающее сообщество». Поэтому при подготовке методики опроса 2016 г. прогнозировались сомнения респондентов относительно определения статуса мигранта, устранение которых осуществлялось с помощью следующего пояснения: «Под мигрантами мы будем понимать всех, кто приехал в наш город и отличается от коренного населения по своему поведению, образу жизни, внешнему виду и т. д. Гражданство, продолжительность пребывания в СПб, откуда родом приехавший и т. п. имеют второстепенное значение, главное в определении мигрантов — их культурное отличие от петербуржцев и россиян».

Несмотря на формальное различие в предложенных респондентам определениях объекта оценивания, данные двух исследований полностью сопоставимы. Во-первых, основным объектом общественной реакции в обоих случаях является мигрант как «чужой» [Бердыклычева, 2006], т. е. представитель иного сообщества и носитель другой культуры, а предложенные формулировки лишь отсылают респондента к публичному дискурсивному полю, актуальному на момент каждого

из двух опросов. Во-вторых, в ситуации телефонного интервью большинство опрошиваемых не вникает в тонкости формулировок — их сознание ухватывает основное в предложенной им коммуникативной задаче и, если это основное (в данном случае статус «чужака») понято, процесс формулирования ответа можно считать корректным. В-третьих, практика проведения обоих опросов показала хорошую работоспособность методики и отсутствие массово повторяющихся затруднений в области идентификации мигранта как объекта оценивания.

Мигранты в повседневной жизни петербуржцев — итоги опроса 2010 г.

В контексте данной статьи, прежде всего, представляют интерес данные, отражающие масштабы проникновения миграционной тематики в массовое сознание горожан. Напомним, в 2010 г. российское сообщество только начинало осознавать себя в качестве принимающего. Конечно, объективно с самим явлением трудовой и прочей миграции россияне (особенно жители крупных городов) были знакомы. Но в какой степени это явление ими осознавалось в качестве самостоятельного массового социального факта?

Для ответа на этот вопрос использована группа из 5 индикаторов, фиксировавшая наличие/отсутствие контакта респондента с трудовыми мигрантами: а) по месту работы; б) в сфере ЖКХ; в) в розничной продовольственной торговле; г) на городском транспорте; д) на даче.

В 2010 г. было не очевидно, насколько массово петербуржцы сталкиваются с мигрантами, но опрос показал, что мигрантов в городской среде замечают практически все горожане. Только 1,7 % опрошенных (что меньше максимальной статистической погрешности выборки) ответили, что мигрантов нет ни в одной из пяти перечисленных сфер. Каждый третий петербуржец сообщил, что наблюдал мигрантов более чем в трёх сферах из пяти возможных (рис. 1).

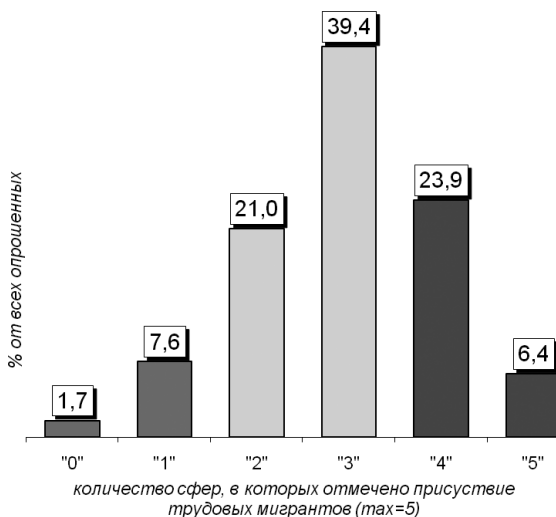

Рисунок 1. Распределение петербуржцев по интенсивности охвата публичным контактом с трудовыми мигрантами (ноябрь 2010 г.)

Анализ показывал, что вопреки исходным представлениям о природе миграционных процессов в России на исходе первого десятилетия XXI в., знакомство горожан с этим явлением происходило, прежде всего, не на работе, а в сервисном секторе. Практически все (95 %) пользовавшиеся городским транспортом наблюдали водителей-приезжих; подавляющее большинство сталкивались с мигрантами — работниками сферы ЖКХ (79 %) и сферы продовольственной торговли (85 %). На даче (или поблизости от нее) шесть лет назад замечала приезжих половина (52 %) горожан, а со своего рабочего места наблюдала тогда мигрантов только треть (32 %) петербуржцев. Последнее свидетельствовало о выраженной отраслевой неравномерности в распределении рабочей силы приезжих.

Анализ отраслевой структуры контактов с мигрантами по месту работы горожан позволил выделить три отрасли, в которых по состоянию на 2010 г. вероятность встретить мигранта была статистически выше средней по городу — это строительство и отделка, общественное питание и пищевая промышленность, а также автосервис. К этим отраслям приближались дорожная отрасль, бизнес-обслуживание, розничная и мелкооптовая торговля. Если в среднем по городу контакт с мигрантами на работе имел каждый третий работающий петербуржец, то в большинстве названных отраслей эта доля превышала 50 % и стремилась к значению 2/3 от общей численности занятых в отрасли.

Однако главный вывод, сделанный в 2010 г., *мигранты в разных пропорциях встречались практически во всех сферах городской экономики*. Только две отрасли — вооруженные силы и связь — оказались по результатам опроса свободны от приезжих, а единственная отрасль, в которой наблюдалось статистически значимое снижение доли мигрантов — это высокие технологии, IT, инжиниринг.

Совмещение двух тенденций — (1) мигрантов на работе наблюдала только треть петербуржцев и (2) мигранты оказались заняты практически во всех отраслях — позволило определить, что за исключением нескольких названных выше сфер, в которых использование труда приезжих либо стало к 2010 г. нормой, либо наоборот, оставалось редкостью, занятость мигрантов являлась фоновой величиной, распределенной по «немигрантским» отраслям экономики случайным образом. Мигранты в разном количестве работали практически везде, и использование их труда определялось, вероятно, уже не столько отраслевой спецификой (как в строительстве и др. подобных секторах), сколько предпочтениями работодателей и иными неспецифическими факторами. Именно открытый в ходе опроса 2010 г. факт выхода трудовой миграции за пределы «мигрантских» отраслей (строительство, общепит и т. п.) означал, что это явление стало системным для городского сообщества, что и нашло отражение в массовом сознании в форме утверждения в нем нового объекта оценивания — мигранта.

Вторая группа индикаторов, использованная в методике 2010 г., была направлена на определение наличия/отсутствия контакта горожан с мигрантами в частных ситуациях. В качестве индикаторных были выбраны две типичные ситуации: а) частный найм мигрантов для строительных, ремонтных или иных хозяйственных работ, осуществленный семьей респондента в течение последних нескольких лет; б) личный разговор респондента с мигрантом, произошедший в течение одной-двух недель накануне опроса.

Оказалось, что значения данной группы показателей были в 2010 г. скромнее по отношению к индикаторам публичного контакта. Только пятая часть опрошенных сообщила, что их домохозяйства прибегали к найму мигрантов для своих частных целей на протяжении последних нескольких лет. Данный параметр выглядел правдоподобным с учётом реальной стратификации городского сообщества по уровню жизни. Поскольку найм приезжих из зарубежья в качестве прислуги не получил массовое распространение и в основном их привлекали для строительства и ремонта, доля горожан, включённых в практики частного найма работников-иностранцев, отражала, в том числе, и долю тех, кто строил или ремонтировал городские и загородные объекты недвижимости.

Неожиданным оказалось распределение ответов на второй вопрос данной группы, отражавший уровень оперативной (не ранее двух недель до опроса) включенности горожан в коммуникацию с приезжими независимо от повода и места состоявшегося разговора. О таких разговорах сообщили 42 % петербуржцев в 2010 г., что подтверждало факт наполнения городского пространства мигрантами — контакты с ними уже перестали быть делом редким и необычным. Однако с учётом выявленных пропорций интенсивности охвата населения публичным контактом с мигрантами, 53 % исключённых из личной коммуникации с этим контингентом горожан представлялись чрезмерно высоким, если не сказать неправдоподобным значением. Они видели мигрантов ежедневно, но, если верить ответам — не разговаривали с ними. Что это — проявление реальной коммуникативной изоляции мигрантской среды от городского сообщества или стигматизация коммуникации с мигрантами на уровне рефлексии? Другими словами, действительно ли при таком уровне наполнения мигрантами повседневности принимающего сообщества более чем половине горожан удавалось в 2010 г. оставаться молчаливыми наблюдателями, или они просто не замечали, а точнее — не осознавали, что регулярно разговаривают с продавцами, поварами, водителями, уборщицами и представителями множества иных трудовых позиций?

Обратила на себя внимание низкая (5 %) доля петербуржцев, допустивших в ходе опроса 2010 г. что, возможно, они не заметили в процессе общения, что разговаривают с мигрантом. Для массового сознания характерна уверенность в точности используемых в повседневной практике инструментов и процедур идентификации приезжего, хотя надёжно определить мигранта в ходе короткого и, как правило, прагматически ориентированного бытового контакта можно далеко не всегда. Критерий этничности может привести к ошибке, например, в случаях идентификации представителей национальностей, которые массово проживают как на территории России, так и за рубежом. Аналогично, неизбежны ошибки и при использовании таких критериев как знание русского языка, стиль (например, в одежде), манеры и т. д.

Не смотря на то что два использованных для измерения приватного контакта индикатора имеют совершенно разную природу, анализ данных опроса 2010 г. показал их тесную взаимосвязь (табл. 1). Налицо тенденция сочетания практик частного найма и приватной коммуникации, что позволило выделить сегмент городского населения, активно контактировавший с мигрантами. Причем именно в отношении этого сегмента в матрице сопряженности наблюдается максимальное значение стандартизированного остатка — применение данного метода ста-

статистического анализа позволило зафиксировать факт дифференциации в рамках городского сообщества. И хотя размер сегмента активных контактеров с мигрантами был в 2010 г. невелик — около 10 % петербуржцев — он представлялся весьма перспективным контингентом с точки зрения предмета нашего исследования.

Таблица 1. **Взаимосвязь практик частного найма трудовых мигрантов и приватной коммуникации с ними — 2010 г. (% от общего числа опрошенных)**
Уровень значимости для критерия Хи-квадрат по Пирсону 0,002

Нанимали приезжих для строительных, ремонтных, хозяйственных работ на последние несколько лет	Разговаривали с приезжим в течение последней недели-двух		По выборке в целом
	Да	Нет	
Да, % опрошенных	10,4	9,8	20,2
Стандартизированный остаток	2,1	-1,8	
Нет, % опрошенных	31,6	48,2	79,8
Стандартизированный остаток	-1,0	0,9	
По выборке в целом	42	58	100

Анализ социального портрета категорий горожан, выделенный по интенсивности публичного контакта с мигрантами, показал незначительную дифференциацию в связи с основными социальными демографическими параметрами населения. Единственным важным и интерпретируемым наблюдением стала высокая доля активно контактирующих с мигрантами горожан со средним специальным образованием — эта категория представлена производственными руководителями низшего звена — прорабами, мастерами и т. п. — а также квалифицированными работниками, которым приходится активно взаимодействовать с работниками-мигрантами. Активнее (хоть и незначительно) контактировали с мигрантами мужчины, представители экономически активных возрастных когорт, наемные работники и их руководители, а также занятые в производственной сфере.

Характерными оказались результаты перекрестного анализа интенсивности приватного контакта и показателей экономической активности респондентов: прежде всего, с трудовыми мигрантами взаимодействуют экономически активные и успешные категории горожан. Доля «активных контактеров» значимо выше в экономически активных возрастных когортах. Чаще других клиентами мигрантов в рамках частного найма становятся менеджеры и владельцы фирм. При этом они же занимают лидирующие позиции в приватной коммуникации с мигрантами. Несомненно, здесь сказывается и опыт работы с рассматриваемым контингентом, и наличие мигрантов-подчиненных, и материальные возможности.

Анализ показал высокую степень взаимосвязи между интенсивностями публичного и приватного контактов горожан с трудовыми мигрантами. Характерно, что среди петербуржцев, демонстрирующих низкую интенсивность публичного контакта, практически нет приватных «активных контактеров», тогда как среди интенсивно охваченных публичным контактом — каждый пятый активно контактирует с приезжими приватно.

Изменение миграционной ситуации за шестилетний период — сравнительный анализ результатов опросов 2010 и 2016 гг.

Что же изменилось за шесть лет? Для ответа на этот вопрос при проектировании методики 2016 г. в инструментарии были воспроизведены вопросы, касающиеся присутствия мигрантов по месту работы респондента, практики частного (семейного) найма и личной коммуникации с мигрантами. (Вопросы, касающиеся присутствия приезжих в прочих повседневных публичных ситуациях, было решено не повторять ввиду тривиальности ожидаемых результатов).

Результаты сравнения данных 2016 и 2010 гг. оказались неожиданными, несмотря на то что доли горожан, контактирующих с приезжими в различных ситуациях, выросли, прирост оказался существенно меньше, чем можно было бы ожидать исходя из анализа миграционной ситуации на макроуровне (табл. 2).

Таблица 2. *Динамика индикаторов охвата петербургского населения контактами с мигрантами*

	2010, n=1008	2016, n=1017
Мигранты работают в организации, где трудится респондент (% от числа работающих респондентов)	32,2	38,7
За последние несколько лет нанимали мигрантов для строительных, ремонтных, хозяйственных работ (% от выборки в целом)	20,2	25,9
За последние две недели разговаривали с мигрантами (% от выборки в целом)	42	43,9

Наибольший рост отмечен у показателя распространенности практик частного найма — его значение увеличилось за прошедшие шесть лет более чем на четверть, и теперь уже каждое четвертое петербургское домохозяйство имеет опыт использования труда мигрантов. Такая пропорция представляется реалистичной с учетом упомянутого выше фактора материального расслоения и объемов рынка строительных, ремонтных и т. п. работ.

Доля работающих горожан, отмечающих присутствие приезжих в числе занятых в их компании, организации, увеличилась на 1/5 и составила почти 39% в 2016 г. Предположительно, в данном случае, массовое восприятие отстает от реальности, т. к. прошедший период объективно характеризовался как раз проникновением мигрировавших кадров в самые разные трудовые ниши, многие из которых ранее были приезжим недоступны². Объяснений может быть несколько. Первое: в крупных корпорациях практикуется жесткая сегрегация мигрантов и местных работников. Инструментарий опроса 2016 г. предусматривал такую возможность и предлагал сомневающимся вариант «не знаю, т. к. организация большая, но вместе со мной мигранты не работают», однако этот вариант выбрали только 3% работающих петербуржцев. Второе: респонденты упускали из виду второстепенные, по их мнению, категории сотрудников своей организации — вспомогательный

² «Статус «трудовой мигрант» — сегодняшняя ситуация на рынке» [Электронный ресурс] // Многофункциональный миграционный центр города Москвы 2016. URL: <http://mc.mos.ru/press-center/news-migration-policy/detail/3609119.html> (дата обращения: 23.10.2016).

персонал, временно нанятых и привлекаемых посредством аутсорсинга. Однако все перечисленное упоминалось в числе возможных вариантов ответа. Третье: некоторые респонденты скрывали факт присутствия мигрантов на работе, например, по причине использования труда нелегалов или несоблюдения законодательства при найме. Четвертое: стигматизация контингента мигрантов переносится на местных, работающих вместе с ними, что подталкивает последних скрывать факт совместной трудовой деятельности с приезжими. Наконец, пятое: по мере адаптации в Петербурге мигранты перестают восприниматься в качестве таковых, причем в первую очередь теми горожанами, кто систематически контактирует с ними. Статус мигранта «забывается» и перестает учитываться в повседневной рабочей обстановке.

Совсем неожиданным оказалось отсутствие роста доли горожан, включенных повседневную коммуникацию с мигрантами (состоявшийся разговор в течение двух недель накануне опроса). За шесть лет этот показатель вырос всего на 1/25 и составил в мае 2016 г 44 %. Означает ли это масштабное распространение практик коммуникативной дискриминации и сегрегации?

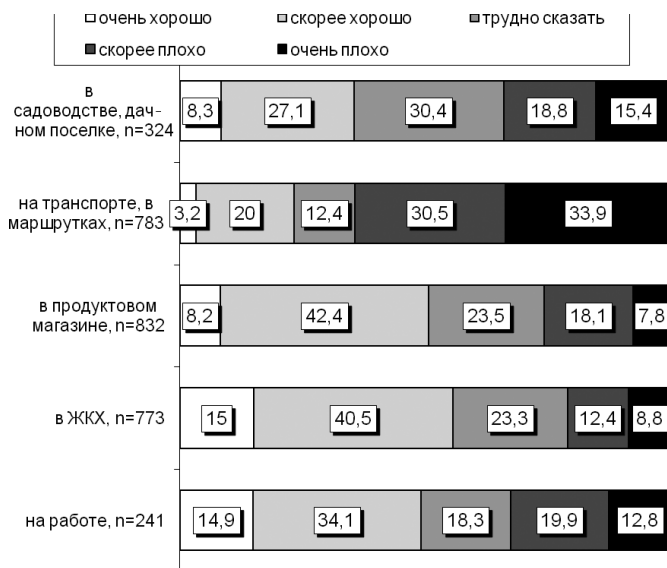
Шесть лет назад мы прогнозировали рост сегмента петербуржцев, включенных в интенсивные контакты с мигрантами, который представлялся в роли социального посредника между приезжими и принимающим сообществом, способного катализировать оптимизацию миграционных процессов в Петербурге. Но оказалось, что этот сегмент практически не увеличивается — доля тех, кто открыт для общения с мигрантами и использует их труд в своем домохозяйстве, выросла менее чем на 1/10 и составила в 2016 г. 11,4 %.

Общественная оценка деятельности трудовых мигрантов в Санкт-Петербурге и характера коммуникации горожан с ними

Наряду с фактами контакта оба опроса предполагали замер общественной оценки мигрантов, наблюдаемых горожанами в различных ситуациях. Применительно к ситуации публичного контакта речь шла об оценке труда (выполняемой работы) мигрантов. Такой подход де-факто удачно совмещают сканирование функциональной оценки и общего отношения к мигрантам. Вряд ли можно ожидать высокую оценку в ситуации, когда результаты трудовой деятельности наблюдаемого мигранта явно неудовлетворительны. Также и при выраженной ксенофобной установке респондента вполне ожидаемыми являются смещения оценок в негативную сторону при отсутствии объективных предпосылок для этого. Для измерения оценки мигрантов использовалась шкала Лайкерта с диапазоном значений от «*работают очень хорошо*» до «*работают очень плохо*».

Оценка приватного контакта производилась по аналогичной методической схеме. Применительно к ситуации частного найма, респондентов, имеющих такой опыт, просили оценить выполненную мигрантами работу по шкале Лайкерта в диапазоне значений от «*сделали очень хорошо*» до «*сделали очень плохо*». Для оценки приватного разговора с мигрантом также использовалась аналогичная шкала — предлагалось оценить лояльность мигранта в состоявшемся коммуникативном акте, для чего использовались категории «*мирный, дружелюбный/конфликтный, враждебный*» разговор.

Опрос 2010 г. выявил общую тенденцию к преобладанию позитивных оценок над негативными. Следовательно, в функциональном ракурсе петербуржцы воспринимали трудовую миграцию как явление полезное, а трудовых мигрантов в основном как хороших работников. (рис. 2) Исключением из выше обозначенной тенденции стала оценка горожанами водителей-мигрантов, которые работали на городском транспорте (в основном — на маршрутных такси). Почти 2/3 петербуржцев в 2010 г. негативно воспринимали водителей, причем в данном распределении наблюдается минимальная для всего набора доля затруднившихся с ответом. Возможно причиной тому стало воздействие масс-медиа — именно тема маршрутных такси и их водителей-мигрантов много месяцев активно дискутировалась в СМИ, причём с явно доминирующей негативной оценкой качества услуги и качества водителей³. Напомним, что категория «городской транспорт, маршрутки» оказалась лидером по показателю проникновения трудовой миграции — почти все (95 %) горожане, которые пользуются городским транспортом, отметили присутствие в этой отрасли водителей-мигрантов. С одной стороны, это свидетельствовало о том, что проблема использования приезжих в качестве водителей действительно была актуальной для горожан. Но в то же время есть все основания полагать, что в этом случае наблюдалось медийное конструирование проблемы — в пользу этого свидетельствует то, что по остальным четырем сферам преобладали позитивные оценки, а доли затруднившихся с ответом были выше.

% респондентов, наблюдавших мигрантов в каждой из сфер

Рисунок 2. Оценка горожанами труда мигрантов, наблюдаемых ими в публичных ситуациях (2010 г.)

³ См. например: Селиванова М. Запрет на мигрантов. Забота о пассажирах или конкурентная борьба? [Электронный ресурс] // РИА Новости. 15.01.2010 в 10:25. URL: <https://ria.ru/analytics/20100115/204584666.html> (дата обращения: 23.10.2016); ГИБДД хочет заставить водителей маршруток получать российские права [Электронный ресурс] // <http://transport.vpeterburge.ru/news/article.php?num=1504105&chap=world> (дата обращения: 05.02.2017).

Отметим, что доли умеренных позитивных оценок («скорее хорошо») в разы превышали доли категорических позитивных оценок («безусловно хорошо»), тогда как доли умеренных и категорических негативных оценок были сопоставимы друг с другом. На наш взгляд, это свидетельствует, во-первых, о том, что петербуржцы воспринимали трудовых мигрантов критически и снисходительно. Доминирующая позитивная оценка этого контингента — скорее за прилежание, чем за профессиональное мастерство.

Другое важное предположение, выдвинутое по результатам опроса 2010 г. состоит в том, что природа позитивных и негативных оценок труда мигрантов различается. Позитивная оценка функциональна, поэтому умеренные оценки встречаются существенно чаще категоричных. Негативная же оценка чаще имеет в своей основе общую установку на восприятие мигрантов, что проявляется в относительно случайном (и поэтому равновесном) распределении негативных оценок между категоричными и умеренными.

Оценка работы, выполненной мигрантами по частному найму, практически повторяет пропорцию, наблюдаемую в отношении публичной оценки труда мигрантов. Более половины горожан, нанимавших приезжих для собственных нужд, остались в 2010 г. довольны результатами их деятельности, примерно треть — нет (табл. 3). При этом умеренные позитивные оценки почти вдвое преобладают над безусловно позитивными, а негативные распределены между безусловным и умеренным вариантом в равных долях. Данное наблюдение служит косвенным подтверждением обоснованности общественной оценки — аргументом в пользу реальности ее связи с повседневным опытом горожан.

Интересным оказалось полученное в результате опроса 2010 г. распределение по второму «приватному» индикатору — оценка характера личной коммуникации между петербуржцем и мигрантом. Напомним — речь идет о разговоре, состоявшемся накануне опроса — не ранее, чем за две недели до него. В данном распределении позитивные оценки («мирный, дружелюбный») доминировали над негативными («конфликтный, враждебный») в соотношении восемь к одному (табл. 3). Это свидетельствовало о благоприятной коммуникативной атмосфере в городе. Скорее всего, 10 % недружелюбных коммуникативных актов — показатель, сопоставимый с фоновым. Таким образом, опрос дал основания полагать, что межличностные контакты по линии «петербуржец — мигрант» не отличались по уровню напряженности, конфликтности от контактов «петербуржец — петербуржец». Во всяком случае разговор горожанина с приезжим — это, как правило, просто разговор, а вовсе не скандал или ссора.

Таблица 3. Изменения общественной оценки мигрантов в Санкт-Петербурге в 2010—2016 гг.

	2010 г.	2016 г.
Оценка труда мигрантов, занятых в организации, где работает респондент (% респондентов, указавших на присутствие мигрантов на работе)		
Работают очень хорошо	14,9	17,3
Работают скорее хорошо	34,1	51,8
Работают скорее плохо	19,9	16,5
Работают очень плохо	12,8	3,9
Затруднились оценить	18,3	10,6

	2010 г.	2016 г.
Оценка работы, выполненной мигрантами по частному найму (% респондентов, имеющих опыт частного найма мигрантов)		
Сделали очень хорошо	19,6	25,1
Сделали скорее хорошо	36,4	47,3
Сделали скорее плохо	15,9	16,4
Сделали очень плохо	17,5	6,2
Затруднились оценить	10,5	5,1
Оценка характера частных разговоров с мигрантами (% респондентов, сообщивших о состоявшемся разговоре с мигрантом)		
Разговор был очень дружелюбный, мирный	46,7	60,4
Разговор был скорее мирный	34	32,0
Разговор был скорее конфликтный	8,2	3,9
Разговор был очень конфликтный, враждебный	3,7	0,7
Затруднились оценить	7,4	3,0

В ходе опроса 2016 г. была повторно измерена общественная оценка мигрантов по трем параметрам: а) труда приезжих, занятых по месту работы респондента; б) работы, выполненной по частному найму; в) характера частных разговоров. По всем трем показателям наблюдается выраженное смещение общественного мнения в сторону позитивных оценок (табл. 3). Теперь уже почти 70 % петербуржцев, наблюдающих мигрантов у себя на работе, довольны тем, как они трудятся. Пропорция в пользу умеренных позитивных оценок сохранилась, но сама умеренно позитивная оценка выбрана более чем половиной респондентов данной категории. Вес негативной оценки уменьшился до 20 % — только каждый пятый горожанин недоволен тем, как работают мигранты, с которыми он сталкивается на своей работе.

Аналогично характеризуют петербуржцы и сферу частного найма: более 70 % довольны выполненной работой нанятых мигрантов, чуть более 20 % — недовольны. Оценка горожанами состоявшихся разговоров с мигрантами также улучшилась и стремится к однозначно позитивной. В 2016 г. только 4,6 % петербуржцев, у которых накануне опроса состоялся коммуникативный контакт с приезжим, оценили его характер как конфликтный. Сообщили о мирной коммуникации с мигрантами 92 % этой категории.

Обратим внимание, что в обоих случаях оценки результатов труда мигрантов соотношение позитивных и негативных оценок приближается к классической маркетинговой пропорции 80:20, т. е. может определяться уже не особенностями общественной рефлексии по поводу приезжих, а функциональными результатами их деятельности. Также характерно, что по всем трем показателям наблюдается многократное сокращение удельного веса безусловно негативных оценок. В части оценки частной коммуникации доля варианта «очень конфликтный, враждебный разговор» уже упала до 0,7 %, т. е. близка к полному исчезновению.

Примерно вдвое сократились доли затруднившихся дать оценку каждого из описанных параметров.

Представленную динамику можно было бы интерпретировать как следствие эффективной интеграции мигрантов XXI в. в петербургское сообщество, но картина значительно усложняется при рассмотрении общественной позиции по поводу миграции в целом. В ходе опроса 2010 г. 72 % горожан утверждали, что дальнейший рост трудовой миграции отрицательно скажется на жизни Санкт-Петербурга, причем каждый третий использовал категоричную форму («безусловно, отрицательно»). В 2010 г. 62 % респондентов сочли опасным для жильцов увеличение числа приезжих в доме (22 % — «безусловно, опасно»).

По прошествии шести лет 82 % петербуржцев выступает против того, чтобы мигранты продолжали приезжать в город, в т. ч. каждый второй — за сокращение численности приезжих в Санкт-Петербурге. Значительное увеличение числа мусульман (а основной приток мигрантов идет сейчас из традиционно исламских регионов⁴) считают опасным для России 59%. Половина и более опрошенных высказались в поддержку идеи законодательно ограничить приобретение иностранными гражданами недвижимости на территории Санкт-Петербурга и Ленинградской области. В т. ч. за запрет приобретения мигрантами жилья (!) выступают 50,6%, а объектов малого бизнеса (т. е. того, чем приезжие часто как раз и занимаются — кафе, магазинов, мастерских и пр.) — 50,9%.

Основные выводы

Выполненные исследования позволяют констатировать, что уже к началу 2010-х гг. подавляющее большинство петербуржцев выделяли мигрантов как специфический объект в городской среде. Массовые публичные контакты горожан с приезжими начались в сервисном секторе и характеризовались высокой интенсивностью, но низкой интерактивностью, т. к. горожане, в основном, оказывались в пассивной роли клиента корпорации, в которой появились мигранты. В результате массовое восприятие нового объекта происходило в режиме «зрителя», наблюдающего театральную постановку, в которой на «сцене» появились новые герои — трудовые мигранты [Дебор, 2000].

В отличие от «театрального» по своей природе публичного контакта персонализированная интеракция петербуржцев с мигрантами на работе и в приватной среде распространена слабее, и ее масштабы нарастают медленно. За шесть прошедших между исследованиями лет отмечено лишь незначительное увеличение доли работающих совместно с мигрантами горожан, а также объемов частного найма мигрантов петербургскими домохозяйствами. Практически не изменились за обозначенный период измеренные показатели приватного коммуникативного контакта, хотя объективно миграционная ситуация располагает к обратному⁵. Большинство горожан декларирует факт исключения из повседневного взаимо-

⁴ Киреев В. Мусульмане Петербурга [Электронный ресурс] // Информационно-аналитическая служба Русская народная линия. 27.08.2013. URL: http://ruskline.ru/analitika/2013/08/29/musulmane_peterburga (дата обращения: 23.10.2016).

⁵ Россия заняла третье место в мире по числу мигрантов [Электронный ресурс] // Информационный портал Newsru.com. 19 апреля 2016. URL: <http://www.newsru.com/russia/19apr2016/migrants.html> (дата обращения 23.10.2016).

действия с мигрантами, а размер сегмента, включенного в интенсивную интеракцию с приезжими, стабилизировался на уровне 10—11 % городского сообщества.

Горожане одинаково позитивно оценивают работу как тех, кого отстраненно наблюдают «на сцене» городского пространства, так и тех, с кем непосредственно взаимодействуют в повседневной жизни. Разница состоит в том, что в качестве «зрителей» выступают практически все петербуржцы, а в качестве реальных контрагентов, взаимодействующих с мигрантами на работе, нанимающих для своего хозяйства и т. д. — меньшинство горожан.

По результатам опроса 2016 г. крайние, безусловные негативные оценки мигрантов вытеснены в маргинальную область — наибольший вес варианта ответа «сделали совсем плохо» отмечен в оценке работы мигрантов по частному найму — 6 %. Позитивнее всего горожане оценивают коммуникативный опыт с приезжими, но парадокс в том, что именно значение индикатора включенности в приватную коммуникацию практически не выросло за шесть лет. Дружественность разговоров растет, а доля желающих разговаривать — нет!

Несмотря на накопление позитивно оцениваемого опыта, расширение ареала интеракции горожан и мигрантов не происходит. Уже не первый год петербуржцы массово наблюдают и позитивно оценивают труд приезжих в различных секторах городской экономики, но при этом в подавляющем большинстве остаются противниками миграции как таковой. Не менее половины жителей Северной столицы выступают за то, чтобы мигранты (работающие «скорее хорошо») уезжали обратно, и готовы поддержать меры явно дискриминационного содержания.

Объяснение наблюдаемому парадоксу заключается в особенности позиционирования «мигранта» как объекта массового оценивания. Исходные установки трактуют миграцию как однозначно вредный, хотя в чем-то и неизбежный процесс. Соответственно и мигранты для массового сознания — субъекты аксиоматически вредоносные. Образ приезжих как маргинальной среды [Парк, 2008], разрушающей местную культуру и рынок труда, являющейся источником криминальных и прочих угроз, близок к тому, чтобы считаться сложившимся. И такой конструкт неизбежно оказывает мощное влияние на процесс формирования общественной оценки — в данном случае он его переворачивает с ног на голову. Системно опасный объект оценивается не с точки зрения принесенной им пользы, а с точки зрения нанесенного вреда. А отсутствие ожидаемых негативных последствий становится основанием для позитивной оценки. Фактически здесь реализуется известный в медицине принцип: «Не навреди!» — главным достоинством мигранта оказывается его способность контролировать собственную маргинальность, минимизируя последствия своего присутствия в принимающем сообществе. Восприятие же образа мигранта массовым сознанием начинает развиваться по принципу «стокгольмского синдрома»⁶ — принимающее сообщество восхищается объектом, который, как ожидалось, должен был полностью это сообщество разрушить, а на деле лишь внес изрядный дискомфорт в повседневность. Интеракция с этим объектом маркируется как вынужденная и, по возможности, избегаемая.

⁶ Стокгольмский синдром [Электронный ресурс] // Психологос — энциклопедия практической психологии. URL: http://www.psychologos.ru/articles/view/stokgolmskiy_sindrom (дата обращения: 23.10.2016).

Список литературы (References)

Бердыклычева Н. М. Чужие в городе: трудовая миграция // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 2006. № 2 (78). С. 101—108. [Berdyklycheva N. M. (2006) Chuzhie v gorode: trudovaya migratsiya [Others in the city: labor migration]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2 (78). P. 101—108. (In Russ.)].

Гавра Д. П. Общественное мнение как социологическая категория и социальный институт. СПб. : ИСЭП РАН, 1995. 350 с. [Gavra D. P. (1995) Obshchestvennoe mnenie kak sotsiologicheskaya kategoriya i sotsialnyi institut. [Public Opinion as a sociological category and social institution]. St Petersburg: ISEP RAN. 350 p. (In Russ.)].

Гавра Д. П. Общественное мнение и власть: режимы и механизмы взаимодействия // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. № 4. С. 53—77. [Gavra D. P. (1998) Obshchestvennoe mnenie i vlast: rezhimy i mekhanizmy vzaimodeistviya [Public Opinion and Power: Regimes and Mechanisms of Interaction]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoi antropologii [Journal of Sociology and Social Anthropology]*. Vol. 1. No. 4. P. 53—77. (In Russ.)].

Дебор Г. Общество спектакля. М. : Логос, 2000. [Debord G. (2000) La Société du spectacle. Moscow: Logos. (In Russ.)].

Парк Р. С. Социология, сообщество и общество. // Вопросы социальной теории. Научный альманах. 2008. Т. II. Вып. 1(2) Социальная реальность: концепции и методология исследований / Ин-т философии РАН ; под ред. Ю. М. Резника. М. : Институт философии РАН : Междисциплинарное общество социальной теории, 2008. С. 227—231. [Park R. S. (2008) Sotsiologiya, soobshchestvo i obshchestvo [Sociology, community and society]. In: *Voprosy sotsialnoi teorii. Nauchnyi almanakh. 2008. T. II. Vyp. 1(2) Sotsialnaya realnost: kontseptsii i metodologiya issledovaniy [Problems of Social Theory. Scientific Almanac. 2008. Vol. II. Issue 1(2) Social reality: conceptions and methodology of studies]*. Ed. by Yu. M. Reznik. Moscow: Institute of Philosophy RAS; Mezhdistsiplinarnoe obshchestvo sotsialnoi teorii. P. 227—231. (In Russ.)].

Пежемский В. Петербургская «мигрень» // Научно-популярный журнал «Машины и Механизмы». 2014. № 8. С. 33—39. [Pezhetskii V. (2014) Peterburgskaya «migren» [Petersburgian «migraine»]. *Nauchno-populyarnyi zhurnal «Mashiny i Mekhanizmy» [Machines and mechanisms]*. No. 8. P. 33—39. (In Russ.)].

Соколов М. М. Русское Национальное Единство: анализ политического стиля радикально-националистической организации // Политические исследования (ПОЛИС). 2006. № 1 (91). С. 67—77. [Sokolov M. M. (2006) Russkoe Natsionalnoe Edinstvo: analiz politicheskogo stilya radikalno-natsionalisticheskoi organizatsii [Russian National Unity: An Analysis of the Political Style of a Radical Nationalist Organization]. *Politicheskie issledovaniya (POLIS)*. No. 1 (91). P. 67—77. (In Russ.)].